

На правах рукописи

Волвенкин Михаил Николаевич

**МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС
В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО 1850–1860-Х ГОДОВ**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2024

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Нагина Ксения Алексеевна

Официальные оппоненты: **Гулин Александр Вадимович**, доктор филологических наук, ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук», научно-исследовательский центр «Русская литература и христианская традиция», ведущий научный сотрудник

Матвеева Инга Юрьевна, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Российский государственный институт сценических искусств», кафедра литературы и искусства, доцент

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Защита состоится 12 февраля 2025 г. в 17:00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.288.13, созданного на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ВГУ и на сайте <http://www.science.vsu.ru/disser>

Автореферат разослан «__» декабря 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Алейников Олег Юрьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Лев Толстой интересовался медициной практически на всем протяжении своего творческого пути. Так, являясь студентом Казанского университета, будущий писатель вносит в дневник запись с перечнем задач: один из пунктов – изучить практическую медицину и часть теоретической. Во время службы на Кавказе Толстой с любопытством следит за местными методами лечения. Кроме того, в 1850-е гг. он читает статьи о магнетизме, находит некоторые соответствия между практикой магнетизеров и народной медициной.

События Крымской войны сводят его в осажденном Севастополе с выдающимся хирургом и анатомом – Н. И. Пироговым. И эта встреча не проходит бесследно. При общем, казалось бы, отрицательном отношении Толстого к врачам – Пирогов вызывает у него уважение.

В 1860-е гг. формируется то отношение Толстого к современной ему медицине, о котором он откровенно заявит в публицистических и религиозно-философских работах 1880-х гг. Врачи в художественном мире писателя, как правило, не могут не только помочь больному, но и облегчить его страдания. Причина такого безнадежного положения в самой сути медицины, которая уже в «Войне и мире» сравнивается с колдовством. Оба этих «знания», по Толстому, иллюзорны: они основаны исключительно на убеждении, а не на фактах. Кроме того, медицина представляет собой «искусственное» ухищрение, поддерживающее «телесную жизнь» человека вне «естественных условий труда», подобно тому, как «газеты, театры, концерты, визиты, балы, карты, журналы, романы» поддерживают «духовную жизнь».

Вместе с тем сама фигура Толстого еще при жизни стала частью медицинского дискурса конца XIX – начала XX в. (толстовские представления о медицине, а также описания болезней и смертей в его художественных произведениях осмысляются, например, в работах Н. Ф. Голубова, Е. М. Идельсона, К. Н. Леонтьева, И. И. Мечникова). Более того, в советскую и постсоветскую эпоху внимание к писателю со стороны членов медицинского

профессионального сообщества не ослабело, о чем свидетельствуют публикации, неоднократно появлявшиеся в медицинских журналах, в частности, статьи «Смерть, болезнь и врач в художественных произведениях Л. Н. Толстого» А. Т. Лидского (1929), «Медицинские темы в произведениях Л. Н. Толстого: к 50-летию со дня смерти» (1960) Е. И. Лихтенштейна, «Болезнь человека и врач в творческом отображении Л. Н. Толстого» Е. Б. Меве, «Л. Н. Толстой и санитарное просвещение» (1979) А. Я. Черняка и Л. В. Смирновой, «О творческом долголетии и здоровом образе жизни Л. Н. Толстого» (2006) и «Хирургические болезни графа Л. Н. Толстого (к 100-летию со дня смерти писателя)» (2010) М. И. Давидова. Отдельного упоминания заслуживают исследование Э. Конюс «Лев Толстой и пропаганда медицинских знаний» (1940), в котором освещается вопрос об отношении Толстого к врачам и медицине, а также рассматривается его участие в работах врачей П. С. Алексеева, А. М. Богомольца, Е. А. Покровского, В. В. Рахманова, А. Стокгем; «Пособие по медицинской деонтологии» (1974) Е. И. Лихтенштейна, в котором «основные положения врачебной этики ярко проиллюстрированы деонтологическими элементами в творчестве Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Г. Флобера»; объемный труд Г. А. Кулижникова «Лев Толстой и медицина» (1999), в котором были собраны высказывания писателя о врачах и медицине, сведения о перенесенных им заболеваниях, а также статьи самого доктора, посвященные теме «Толстой и медицина».

Медицинские издания, выходившие в издательстве «Посредник», как правило, проходили через редактуру Толстого. Э. Конюс отмечает, что писатель большей частью лично занимался отбором работ и рекомендовал их к публикации. Иными словами, он сам стремился влиять на медицинский дискурс своей эпохи. К примеру, Толстой редактировал рукопись брошюры известного врача-педиатра Е. А. Покровского «Об уходе за малыми детьми» (1889). Э. Конюс в своем исследовании «Лев Толстой и пропаганда медицинских знаний»

подчеркивает: «В брошюре почти не осталось мест, не тронутых рукой Толстого»¹.

Научных работ, полностью посвященных изучению медицинского дискурса в творчестве Толстого, до сих пор еще не было. Впрочем, существует несколько интересных исследований, затрагивающих эту тему частично. К. А. Богданов в книге «Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры» (2014) сосредотачивается на изучении патографии. Этот термин понимается ученым в широком смысле, «как релевантный обозначению *любых* дискурсивных репрезентаций болезни и смерти»². В частности, в исследовании рассматривается причудливое переплетение литературы и медицины в XIX в., закономерно нашедшее свое отражение в некоторых особенностях творчества Толстого. В книге Р. Николози «Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре XIX века» проясняется связь толстовских произведений с дискурсом о вырождении. Важный вклад в изучение взаимодействия литературы и медицины в русском культурном контексте внесла В. Соболев. В монографии «*Febris erotica. Любовный недуг в русской литературе*» (2009) она рассматривает топос любви как болезни в русской литературе XVIII–XIX вв., прослеживая его эволюцию от «петровских повестей» до романов Толстого, в которых осуществился «подрыв» вековой традиции репрезентации любовного недуга. Несмотря на это, можно констатировать, что медицинский дискурс в творчестве Толстого системно до сих пор не исследован. «Недостающим звеном» остается изучение ранних произведений писателя, редко попадающих в поле зрения ученых, ведущих работу в этом направлении. Этим обусловлена **актуальность** нашего диссертационного исследования.

Методологической основой выступают труды отечественных и зарубежных исследователей – философов: В. В. Бибихина, Д. Агамбена, Р. Жирара, К. Касториадиса, М. Фуко, С. Сонтаг; филологов: Б. М. Эйхенбаума,

¹ Конюс Э. Лев Толстой и пропаганда медицинских знаний / Э. Конюс. – Москва : Институт санитарного просвещения, 1940. – С. 27.

² Богданов, К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры / К. А. Богданов. – Санкт-Петербург: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017. – С. 9.

В. Шкловского, Ю. М. Лотмана, О. В. Сливичкой, К. А. Богданова, Е. Неклюдовой, В. Паперного, К. А. Нагиной, Р. Густафсона, С. Мертен, Р. Николози, Д. Орвин, В. Соболев и др.

Целью работы является изучение специфики воплощения медицинского дискурса в творчестве Льва Толстого 1850–1860-х гг. В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

1. Выявить систему взглядов писателя на медицину в 1850–1860-х гг.;
2. Проанализировать генезис и эволюцию толстовского восприятия болезни и лечения в дневниковых записях 1850–1860-х гг.;
3. Изучить влияние, оказанное на творчество Льва Толстого различными медицинскими концепциями;
4. Проследить эволюцию медицинского дискурса в творчестве писателя от ранних произведений («Набег», «Севастопольские рассказы» и др.) до романа «Война и мир».

Материалом диссертационной работы являются художественные произведения Толстого 1850–1860-х гг. («Набег», «Рубка леса», «Севастопольские рассказы», «Три смерти», «Казачьи», «Война и мир»), а также его дневниковые записи этого периода. Поздние публицистические, религиозно-философские произведения («Так что же нам делать?», «О жизни») используются нами для создания необходимого фона исследования. Отбор материала обусловлен поставленной целью: нами рассматриваются наиболее репрезентативные с точки зрения заявленной цели произведения.

Объект исследования – раннее творчество Толстого в контексте медицинских концепций эпохи.

Предмет исследования – логика воплощения и эволюции медицинского дискурса в художественных произведениях Толстого 1850–1860-х гг., а также специфика представлений писателя о медицине, болезни и лечении.

Базовыми для работы стали культурно-исторический, сравнительно-исторический, структурный, нарративный **методы исследования** с привлечением элементов биографического метода.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые системно анализируется медицинский дискурс в раннем творчестве писателя, а также рассматривается генезис толстовских представлений о медицине.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что системное изучение медицинского дискурса в творчестве Толстого 1850–1860-х гг. позволяет скорректировать уже сложившиеся представления об отношении писателя к медицинской науке, а также дополнить некоторые особенности его художественной картины мира и антропологии.

Практическая значимость связана с тем, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании базового учебного курса истории русской литературы в высших учебных заведениях, а также в специальных курсах, посвященных творчеству Толстого, в бакалавриате и магистратуре.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изучение медицинского дискурса в творчестве Толстого необходимо начинать с его ранних дневников, в которых раскрывается толстовское восприятие болезни и лечения. Писатель видит причины телесных недугов в душевном хаосе («разврате души») и хаосе разума, избавиться от которых помогает самовоспитание. Представления писателя о болезни, ее этиологии и лечении формируются вне непосредственной связи с медицинскими концепциями и имеют свою логику развития.

2. Толстовское самовоспитание одновременно является и самолечением, распространяющимся не только на душу, но и на тело, которое не воспринимается как нечто внешнее. В целях саморазвития и избавления от пороков возникает необходимость в подчинении телесной деятельности слову, что реализуется в многочисленных правилах и требованиях, применимых к ней в рамках занятий гимнастикой.

3. Упорядочивание как лечение, реализующееся на страницах дневника «молодого» Толстого, подвергается переосмыслению в рассказе «Набег». Порядок в этом произведении находится вне ведения рассудка, а потому медицинское вмешательство представлено в нем как избыточное действие.

4. Для понимания логики лечения в «Казаках» важно учитывать увлечение писателя магнетизмом, в котором он находил много общего с практикой врачевания, применяемой лекарями на Кавказе. Однако поиски рационального объяснения механизмов борьбы с болезнью к 1860-м гг. для писателя становятся неактуальны: он стремится сохранить тайну вокруг границы между жизнью и смертью в практически номинативном изложении методов лечения, недоступных героям, не принадлежащим миру природы.

5. В 1860-е гг. закладывается основа для нового подхода к осмыслению болезни и лечения, реализовавшаяся в художественных произведениях, религиозно-философских и публицистических работах Толстого 1870–1880-х гг. Постепенно толстовский идеал гармонии здорового (упорядоченного) тела и разума лишается первого компонента: тело воспринимается теперь как «лопата», которую нужно «точить и тратить» в труде, а не «хранить».

6. Медицинская деятельность, которой занимаются доктора, фельдшеры и медицинские сестры в «Севастопольских рассказах», никак не связана с лечением. Пространство перевязочного пункта в этих произведениях продолжает пространство бастионов и даже выражает его суть в концентрированной форме.

7. Батальный фон в «Севастопольских рассказах» необходим для раскрытия «болезни века» – не «травматической эпидемии» Пирогова, а «эпидемии тщеславия», суть которой заключается в подмене внешней медиации внутренней. Избавиться от этого недуга можно лишь внутри себя, переходя от гнетущих мыслей к спасительной деятельности.

8. Социальный аспект толстовского восприятия медицины, косвенно затронутый еще в «Трех смертях», впервые полноценно раскрывается в «Войне и мире». Болезнь в романе – реальность, к которой непосредственное отношение имеет лишь сам больной, однако медицина при этом перестает быть просто бесполезным знанием: писатель находит в ней опасность вытеснения нравственного потенциала, заложенного в страдании.

9. В «Войне и мире» военная медицина отчетливо противопоставлена «светской». Работа военного доктора (как и в «Севастопольских рассказах»)

заключается не в восстановлении увечного тела: медицинское вмешательство лишь констатирует и «подчеркивает» увечья, акцентируя внимание на очередной «эпидемии тщеславия». «Светская» медицина в романе, наоборот, представляет собой «спектакль», помогающий скрыть тщеславное желание.

10. «Война и мир» открывает новый этап в толстовском осмыслении медицины, болезни и методов лечения. Толстой делает уверенный шаг к открытой полемике с представителями медицинской профессии, развернувшейся в последней четверти XIX в. При этом выявленная нами логика его ранних произведений в этом романе во многом продолжает прослеживаться.

Апробация результатов исследования. Основные идеи работы излагались в докладах на Международных и Межвузовских научных конференциях: «Толстовские чтения» (Москва, 2021), «Русские писатели и медицина» (Санкт-Петербург, 2021, 2022), «Универсалии русской литературы» (Воронеж, 2022), «Литературные юбилеи 2023 года, информационная среда и проблемы компьютерной поэтики» (Воронеж, 2023), «Русские классики второй половины XIX века: биографические и литературные “пересечения”, интертекстуальные связи и критическая рецепция» (Санкт-Петербург, 2024), «Трансценденция бытия: идеалы познания истины» (Воронеж, 2024), а также на научных сессиях Воронежского государственного университета (Воронеж, 2022, 2023, 2024). Содержание работы отражено в четырех статьях, из которых три опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

ОСОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается общая характеристика диссертации, обосновываются ее актуальность и новизна, теоретическая и практическая значимость, указывается методологическая основа исследования, определяются его цель и задачи, материал, объект и предмет, а также формулируются положения, выносимые на защиту. Здесь же поясняется терминологический аппарат, приводится обзор основных подходов к изучению связей между литературой и медициной и основных научных трудов по теме исследования.

В первой главе «Медицинский дискурс в творчестве “молодого” Толстого», состоящей из четырех параграфов, выявляется специфика взглядов писателя на болезнь и лечение, прослеживается логика их эволюции, а также выявляется их связь с магнетизмом и гимнастикой.

В параграфе 1.1 «Самовоспитание как самолечение в дневнике 1847 года» мы исследуем генезис представлений Толстого о болезни и лечении, выделяя концепцию самовоспитания как самолечения. Как нам представляется, толстовская самобытная мысль о болезни, ее природе и лечении находится вне связи с медицинскими концепциями середины XIX в. В дневниковых записях писателя наблюдается стремление минимизировать роль тела. Внимание сосредотачивается на душевных недугах. В то время как тело проходит лечение в клинике Казанского университета, душе уделяется пристальное внимание на страницах дневника. Упорядочивание, структурирование жизни в форме дневниковых записей способствуют параллельно идущим процессам саморазвития и самолечения. Отметим, что в дневнике за 1847 г. отсутствует описание каких-либо внешних событий. Исключение составляют лишь «поступление» в клинику и «переход» домой. О том, что происходило внутри клиники, нисколько не упоминается: не оговариваются симптомы, не характеризуется поведение врачей, не поддается оценке взаимодействие руки врача с телом пациента. Болезнь провоцирует обращение повествователя к самому себе. Его интересует не физическая болезнь, но моральная, именуемая «развратом души». Эта болезнь заключается в душевном беспорядке, вызванном влиянием развращающей среды. Физическое проявление болезни в дневнике 1847 г. лишь следствие внутреннего беспорядка, своеобразного отклонения «я» от самого себя. В то же время стоит отметить, что тело полностью не исключается из текста. Наоборот, в рамках оппозиции внешнего и внутреннего, оно постепенно включается в область самого себя. В целях саморазвития и избавления от пороков возникает необходимость в подчинении тела слову.

В параграфе 1.2 «Образ доктора в “Набеге”» прослеживается эволюция концепции самовоспитания как самолечения в рассказе «Набег» и дневниковых

записях начала 1850-х гг. Выработка «методологии самонаблюдения» к этому времени уступает место занятиям литературой: Толстой делает наброски портретов и пейзажные зарисовки, размышляет над вопросами, связанными с формой литературного произведения, упражняется в «мелочности» и «генерализации». Рассказ развивается из стремления упорядочить, объяснить для себя самого сущность храбрости, но вырастает в полноценное художественное произведение. Отметим, что в нем не так много описаний смерти, болезни, лечения. При этом важнейшей сценой «Набега» является сцена взаимодействия доктора с раненым Аланином.

Сама фигура доктора, его слова и действия в рассказе представляются избыточными, так как знанием о жизни и смерти наделен сам Аланин: доктор не вредит, но и не может ничем помочь. В дневнике истинная патология также доступна лишь самому пациенту. У врача и у больного разные взгляды на болезнь. Когда один ищет её проявления на теле, другой чувствует их внутри себя. Новым же становится появление медицинской оптики.

Болезнь, репрезентированную в рассказе, можно определить как нарушение целостности. Причем это касается и тела прапорщика Аланина, нарушаемого пулей, и восприятия войны повествователем, нарушаемого самим набегом. Врач бессилен в своей работе с телом, не способен исправить «дырочку на целом месте», хотя и способен констатировать это нарушение, как повествователь не способен осмыслить войну. Целостность не идентична порядку, в ней ощущается хрупкое чувство связи с жизнью. Ее нельзя восстановить механически. В ранних дневниковых записях проводилось поступательное восстановление развращенной обществом души. Болезнь нарушения целостности, если можно так выразиться, не лечится простым рациональным упорядочиванием. На страницах дневника обретение себя происходит через очищение от «посторонних» влияний, через «разумное» возвращение к самому себе. Теперь же за обретением целостности проглядывает хрупкое чувство связи с жизнью, с миром в целом. В рассказе она находится в ведении Бога, а потому и вопрос о возможности восстановления здоровья решается не среди людей.

В параграфе 1.3 «Лев Толстой и магнетизм» исследуется влияние концепции животного магнетизма, оказанное на «молодого» Толстого. В частности, в контексте месмеризма нами рассматриваются методы лечения в повести «Казачи».

«Набег» – не единственное произведение Толстого, в котором наблюдается преодоление тотальной рациональности, преобладающей в ранних дневниковых записях. Нечто подобное обнаруживается при рассмотрении различных текстов писателя, в которых описаны методы лечения лекарей на Кавказе. В немногочисленных дневниковых записях кавказского периода Толстой находит в деятельности горцев-лекарей пересечения с концепцией животного магнетизма и даже предполагает эту деятельность одним из проявлений магнетизма. Оснований для такого заключения несколько: во-первых, если можно так выразиться, убежденность в возможности передачи некоторых телесных недугов через мысль и слово; во-вторых, наделение особым статусом врачующего субъекта, имеющего некую силу и уверенного в ней, как необходимое условие для оказания влияния на выздоровление; в-третьих, утверждение значительной роли инстинктов в процессе лечения. При этом обращение Толстого к теории и практике животного месмеризма связано, как мы полагаем, с претензией последнего на статус утраченного «научного» знания.

Если в дневнике Толстой достаточно подробно описывает сами методы лечения, то в «Казачах» он лишь называет их. Это связано с тем, что знание, которым наделён лекарь, врачующий Лукашку, не сообразно способу мышления повествователя и Оленина, не способного отказаться от размышлений в пользу бытия. Доктора в «Казачах» видят причины болезней и логику их лечения непосредственно в увечном теле. Для лекаря же важна инстинктивно понимаемая связь человека с миром. Эту связь толстовский текст намеренно умалчивает.

Деятельность горцев-лекарей (и конкретно лечение травами), как кажется, вписывается в толстовское понимание концепции животного магнетизма. Однако в тексте произведения, в его вариантах, в отличие от дневниковых записей, этому нет никакого буквального подтверждения. Без дневника вряд ли вообще была бы

возможность для существования подобных утверждений. Животный магнетизм, занимающий писателя во время работы над повестью, противоречит интуитивно понимаемой связи человека и мира, так как в некотором смысле раскрывает ее, «рассказывает» о ней. Тайна преодоления болезни, а значит, и тайна вокруг границы между жизнью и смертью остаются сокрытыми в этом практически номинативном изложении методов лечения.

В параграфе 1.4 «Поиски лечения: от гимнастики к труду» мы изучаем восприятие гимнастического дискурса русскими писателями в 1840–1850-х гг. При этом в нашем фокусе находится концепция гимнастики в осмыслении Толстого и Н. Г. Чернышевского, а также эволюция толстовских представлений о теле.

В конце XVIII и на протяжении почти всего XIX в. гимнастика, сформировавшаяся еще в Античности, переживает новое рождение. Гимнастические занятия древних греков живут в культурной памяти, но появляется и ряд новшеств, формирующих иной взгляд на тело. В обновленной гимнастике центральное место занимает анализ движения. Точное измерение силы (с помощью динамометра Ренье) совмещается с углубленным изучением анатомии и физиологии мышц. В Россию новые гимнастические системы начинают проникать с 1820-х гг., однако по-настоящему популярной в светском обществе Санкт-Петербурга и Москвы гимнастика становится лишь к концу 1840-х – началу 1850-х гг.

Известно, что Толстой практически всю жизнь увлекался гимнастикой, любил физическую работу. Биографических данных об этом много. Регулярный отчет о гимнастических занятиях, оценка выполнения упражнений занимают не последнее место в дневниковых записях писателя. Гимнастика воспринимается «молодым» Толстым не только как конкретное занятие, но и как некий универсальный принцип, соответствующий программе саморазвития.

В гимнастике XIX в. на основе анализа мускульной механики утверждается зависимость здоровья тела и духа от оптимального развития мышц. Судя по всему, подобное восприятие тела было сообразно тому восприятию человека в

целом, которое раскрывается в ранних дневниках Толстого. Идея «всестороннего развития всего существующего», овладевшая им на первых порах, провоцирует стремление к упорядочиванию жизни, к наблюдению за саморазвитием в рамках дневника и формулированию многочисленных списков правил, применимых к областям телесного, чувственного, умственного. Мышечная работа является для него одним из компонентов, необходимых для преодоления «разврата души», являющегося следствием отклонения от общего порядка жизни. В этой комплексной работе над собой также нет необходимости присутствия посторонних, в том числе врача, нужна только бумага, позволяющая формулировать программы и правила, а затем фиксировать результаты, анализировать собственную «внутреннюю механику». В гимнастике можно найти спасение от «развращающего» влияния среды и принятого в ней образа жизни.

Гимнастика для него один из способов самоконтроля. Толстой подходит к ней как практик. Чернышевский, в свою очередь, внутренней необходимости в гимнастических упражнениях не чувствует. В рецепции Чернышевского «гимнастика для гигиены» почти как «искусство для искусства» – не имеет никакого смысла, представляет собой некую навязчивую идею. Гимнастика может быть полезна. Но для светского человека она становится очередной подменой серьезной, осмысленной деятельности. Впрочем, с 1860-х гг. Толстой движется в сторону Чернышевского, когда формулирует концепцию труда. Тело, «животная личность» человека – это «лопата», которую нужно тратить в работе. Мускульная механика, физическое движение больше не являются сколько-нибудь значительными для общего порядка жизни. А забота о его сохранении воспринимается негативно, тело встраивается в порядок общего как орудие. Болезни и страдания помогают ясно это осознать, а значит – борьба с ними противоречит истине.

Во второй главе «Война и медицина в “Севастопольских рассказах”», состоящей из трех параграфов, анализируется медицинский дискурс в «Севастопольских рассказах», сопоставляется концепция войны как «травматической эпидемии», сформулированная Н. И. Пироговым, с толстовской

«эпидемией тщеславия», а также рассматривается связь между поэтикой Толстого и открытиями в анатомии и военно-полевой медицине середины XIX в.

В параграфе 2.1 «Лев Толстой и Николай Пирогов в Севастополе» прослеживаются биографические пересечения Толстого и Н. И. Пирогова, а также рассматриваются литературоведческие работы, в которых толстовская поэтика соотносится с нововведениями выдающегося хирурга в области медицины.

Толстой точно знал Пирогова еще в период Крымской войны. Они прибывают в Севастополь с разницей всего в несколько дней. О Пирогове в то время сложно было не знать. Он, как отмечают современники, собирает большую публику, стремящуюся проникнуться «поэзией его операций». Уже гораздо позже Крымской войны Толстой читал его дневники, вспоминал о нем «симпатией и уважением».

О. Матич в книге «Эротическая утопия: новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России» (2005) без типологического сопоставления медицинской деятельности Пирогова с литературным методом Толстого, но отталкиваясь от формалистского взгляда на его творчество, развивает концепцию, в рамках которой толстовское письмо рассматривается как «литературное анатомирование» и «литературная вивисекция». Напрашивающееся сопоставление толстовской литературной деятельности и представлений Пирогова об анатомии и хирургии воплотилось в статье И. Калинина «Севастополь в августе 1855 года. Война, фотография и хирургия: рождение поэтики модерна» (2012). Борьбой с романтическими шаблонами Толстой стремится оживить восприятие, приблизив литературу к «жизни», показав не столько сами переживания, сколько процесс их причудливого движения в душе героев. Историк понимает слово «хирургия» расширительно, не связывая его исключительно с телом. Это способ познания, позволяющий обнажить конструкцию, увидеть ее элементы, а также их морфологическую связь. Такое толкование позволяет ученому усмотреть в поэтике Толстого модель, эпистемологические истоки которой уходят в военно-полевую хирургию Пирогова.

Впрочем, толстовская методология самонаблюдения начинается ещё с дневника 1847 г. Толстой в это время хотя и интересуется медициной, но скорее исключительно из любопытства: здесь отсутствует сколько-нибудь системный подход. В эпистемологическом плане он больше ориентируется на философскую и литературную традицию XVIII в. Даже пребывание в клинике Казанского университета воспринимается им совершенно отвлеченно от каких-либо актуальных на то время медицинских теорий. Получается, скорее, причудливое наложение впечатления от военно-полевой хирургии на уже во многом сформированный художественный метод. Это совершенно не отменяет тот факт, что научная работа Пирогова в значительной степени способствовала изменению взгляда на тело, а также сыграла немаловажную роль в сближении литературы и патологоанатомии, во внедрении литературного «анатомирования» в рамках русского реализма.

Параграф 2.2 «Доктора и сестры милосердия в “Севастопольских рассказах”» посвящен анализу специфики репрезентации военной медицины в «Севастопольских рассказах». Среди характеристик врачей, встречающихся на страницах произведений Толстого, не так уж просто отыскать такие, которые можно было бы охарактеризовать как хоть сколько-нибудь положительные. «Севастопольские рассказы» в этом плане сильно отличаются от «Набега» и от «Казачков», так как манипуляции докторов и сестер милосердия не имеют в них ни нейтрального, ни негативного оттенков.

Во всех трех рассказах перевязочный пункт – место, в котором происходит нечто значительное, что-то сопоставимое по важности с событиями на бастионах. Это место, где сторонний человек, в отличие от докторов, «страдальцев» и медицинских сестер, не может находиться долго, наблюдая увечные тела, чувствуя их запах, всматриваясь в лица раненых, слыша их стоны: нужно скорее вырваться, осознав собственное здоровье и, одновременно, ничтожество. Врач в нем перестает быть «лишним», его дело становится одновременно «отвратительным» и «благодетельным».

Доктора по большей части не могут сохранить целостность человека, они лишь поддерживают покалеченную страданиями жизнь. При этом их присутствие не бессмысленно, как это было в «Набеге». Как мы полагаем, дело здесь не в них самих. Выполняя ампутации, доктора не борются за восстановление целого. В «Севастопольских рассказах» врачи важны не как субъекты, а как некое орудие, не столько справляющееся с последствиями военных действий, сколько фиксирующее их. Не помогает решительно изменить картину смертей и страданий и нововведение Пирогова – сортировка раненых. Сортировка, как и ампутация, не является в «Севастопольских рассказах» какой-то существенной мерой, радикально меняющей картину войны. Она, скорее, подчеркивает, фиксирует «ужасные, потрясающие душу зрелища». В фокусе писателя явно находится не борьба докторов за жизнь, а упорядочивание чудовищных последствий войны.

Нечто похожее можно сказать относительно сестер милосердия. Жертвуя собой, они помогают жить в страдании. Мысль, свойственная позднему творчеству Толстого: страдание и болезнь не нужно стремиться устранить, нужно учиться жить в этих состояниях. Пока что она находится на периферии. В «Севастопольских рассказах» сестры милосердия дополняют деятельность врачей, внутренне дистанцирующихся от самих «страдальцев» ради работы с их телом. Совместно они выполняют одну функцию: делают страдания «выпуклыми», подчеркивают их.

Врачи и сестры милосердия работают с последствиями. Так уже было в раннем дневнике Толстого: есть видимые проявления недуга – ими занимаются доктора, а есть его исток – с ним наедине остается больной. Весь этот медицинский дискурс, что совершенно игнорировался в первых дневниковых записях, в «Севастопольских рассказах» вдруг органично вплелся в повествование. Происходящее на перевязочном пункте тесно связано с событиями на поле боя. Сам недуг лишь в этих событиях обнаруживается.

В параграфе 2.3 «“Эпидемия тщеславия”» сопоставляется концепция войны как «травматической эпидемии» с толстовской «эпидемией тщеславия».

Пирогов видел причины подавляющего количества смертей во время войны в плохой организации транспортировки раненых с поля боя, а также в отсутствии их последующей сортировки, основанной на характере ранения. Те, кого можно было спасти, не получают помощи, так как доктор зачастую тратит время на безнадежных. Борьба с «травматической эпидемией» необходимо с помощью хорошо учрежденной администрации.

По Толстому, недуг, раскрывающийся в страданиях тысяч людей, имеет иную природу. В «Севастопольских рассказах» именно тщеславие предстает как полноценная эпидемия – «болезнь века». Ею заражен штабс-капитан Михайлов, мечтающий о том, как жена его приятеля, голубоглазая Наташа, однажды прочтет в «Инвалиде» о награждении его «Георгием», о том, как он будет продвигаться по службе и получать всё новые и новые звания и награды. Заражены подполковник Нефердов и ротмистр Праскухин, поступившие на службу из отставки, по большей части, потому «все это делали». Болен адъютант Калугин, вытесняющий страх перед небытием, возникающий у него по дороге на бастионы, стремлением умереть красиво, как в анекдотичной истории про адъютанта Наполеона. И многие другие. Весь круг офицеров находится в скрытом соперничестве друг с другом.

Пользуясь терминологией Р. Жирара, можно сказать, что тщеславие обнаруживается при подмене внешней медиации внутренней. Внешняя медиация подразумевает духовную дистанцию между субъектом и медиатором желания, о которой сам субъект открыто заявляет. При внутренней медиации этой дистанции нет. Толстой показывает, как вовремя событий экзистенциальных, чужие желания управляют человеком. В бою «аристократ» постоянно ощущает на себе взгляд, но это не взгляд Абсолюта, а взгляд другого «аристократа».

Борьба с «эпидемией тщеславия», нарушающей правильные отношения человека и мира, можно лишь внутри себя, переходя от гнетущих мыслей к спасительной деятельности. Ужасы войны – это те идеальные условия, в которых человек может излечиться, в которых может вспыхнуть «благородная искра», лежащая у каждого на дне души.

В третьей главе «Медицинский дискурс в романе “Война и мир”», состоящей из двух параграфов, рассматривается роман «Война и мир» как произведение, открывающее в творчестве Толстого новый этап в осмыслении медицины, болезни и лечения.

В параграфе 3.1 «Социальный аспект медицины в “Войне и мире”» анализируется негативное влияние медицины на общество в романе «Война и мир». Особое внимание при этом уделяется рассмотрению роли врача в избавлении от болезни и того вреда, который несет человеку медицинское знание. Во время работы над «Войной и миром» у Толстого формируется определенный взгляд на науку, согласно которому научное знание лишь способ смотреть на мир, для которого нужна некая точка отсчета, обозначенная, к примеру, особым понятийным аппаратом. Истина же в понимании писателя тем характерна, что подобной «односторонностью» не обладает. Судя по всему, вместе с формированием определенных представлений о научном знании, у писателя вырабатывается вполне однозначное отношение к медицине, которое ранее только нащупывалось. Любая наука представляет собой определенный взгляд, если пользоваться термином К. Касториадиса – «социальное воображаемое», и медицина не является исключением, а ее претензия на знание чего-то существенного «о жизни» с этой позиции должна вызывать лишь ироничную улыбку.

Социальный аспект толстовского восприятия медицины, косвенно затронутый еще в «Трех смертях», впервые полноценно раскрылся в «Войне и мире». Больной по-прежнему остается один на один со своей болезнью. Однако доктор, оставаясь «лишним» в экзистенциальном плане, становится значительным – в социальном. Причем вместе с этой эволюцией нарастают опасения, связанные с нравственным вредом, который несут представители медицинской науки, вытесняющие потенциал, заложенный в страдании больного и сострадании к нему окружающих. То откровенное неприятие медицины, которое ярко отразится в произведениях Толстого 1870–1880-х гг. зарождается в «Войне и мире». Вместе с тем, именно в этом тексте стоит искать предпосылки просветительской работы

писателя в области пропаганды медицинских знаний, развернувшейся в издательстве «Посредник».

В параграфе 3.2 «Специфика военной медицины в “Войне и мире”» исследуется противопоставление военной и «светской» медицины в романе. Кроме того, прослеживается четкая связь между концепциями военной медицины в «Севастопольских рассказах» и «Войне и мире». Доктора и фельдшеры на войне выглядят совершенно иначе, чем в светском обществе. В романе постоянно отмечается их физическая и моральная усталость от работы. Медицина на войне у Толстого предстает не как спектакль, а как тяжелый труд. Вокруг военных врачей всегда большое количество пациентов. В светском обществе все иначе: один пациент и, как правило, группа докторов. Доктора вне войны больше сидят или произносят речи, чем работают с телом пациента. А если работают, то все это принимает вид какого-то несерьезного занятия, бессмысленного ритуала.

На страницах романа можно найти много подтверждений тому, что медицина – это сплошной обман. Доктора ничего не знают ни о жизни и смерти, ни о болезни и о действенных способах ее лечения, но заявляют том, что таким знанием обладают. Об этом открыто высказываются герои, на это указывают авторские характеристики героев. Но в «военных» эпизодах ничего подобного нет.

Военная медицина в романе – деятельность несколько не связанная с лечением. Обретение здоровья и целостности, как всегда у Толстого, является исключительно внутренним процессом. Работа военного доктора (как и в «Севастопольских рассказах») заключается не в восстановлении увечного тела: медицинское вмешательство лишь констатирует и «подчеркивает» увечья. В госпитале и на перевязочном пункте то ужасное, о чем солдат в бою старается не думать, на что старается не смотреть, вне противостояния с противником неизбежно притягивает взгляды, активизируя внутреннюю «работу». Страдания и боль свои и других, близость к смерти, которые аккумулируют эти медицинские пространства, одновременно являются результатом неправильной медиации и способом ее исправить. За войной в романе стоит тщеславие, представляющее

собой крайне заразную болезнь. Но сама же война, а вернее, ее последствия, увиденные вблизи и пережитые, позволяют героям хотя бы на время побороть этот недуг.

В заключении формулируются основные выводы по проделанному исследованию, подводятся его итоги.

**Основные положения исследования отражены
в следующих работах:**

**Статьи, опубликованные в журналах, входящих в перечень
рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ**

1) Волвенкин М. Н. Лечить болезнь порядком: о медицине в дневнике Л.Н. Толстого 1847 года / М. Н. Волвенкин // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2022. – Т. 32, № 4. – С. 859–863.

2) Волвенкин М. Н. Война и медицина в «Набеге» Л. Н. Толстого: два доктора, две патологии / М. Н. Волвенкин // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2023. – Т. 20, № 2. – С. 56–64.

3) Волвенкин М. Н. О методах лечения в «Казаках» Льва Толстого: между магнетизмом и мистерией / М. Н. Волвенкин // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2024. – Т. 9, № 1. – С. 149–161.

В других научных изданиях

4) Волвенкин М. Н. Лев Толстой и гимнастика / М. Н. Волвенкин // Трансценденция бытия: идеалы познания истины: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 25 апреля 2024 г. / отв. ред. О. Н. Квасов; М-во науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО «ВГЛУ». – Воронеж, 2024. – С. 157–161.